

Юрий Дикий

Genius loci Святослава Рихтера*

Переменчивость мнений Святослава Теофиловича подтверждается во многих его беседах, за исключением редких воспоминаний об Одессе, в том числе описанных Валентиной Чемберджи.

«Я никогда не сдавал ни одного экзамена. Ни вступительных, никаких. Три раза меня выгоняли из консерватории, и я уезжал. Но Генрих Густавович писал: «Приезжай немедленно, все устроится, у меня нет больше такого ученика». (...) Чуть ли не десять концертов в Большом зале консерватории мне засчитали как диплом».

Куда уезжал С. Т.? Разумеется, домой, в Одессу. И так продолжалось до 1941 года – последний отъезд из дома за два месяца до начала войны. Там был свой магнит, где юность диктует свои приоритеты, где уже наступающая зрелость были фундаментом его дальнейшего успеха. И если опасно уравнивать значимость для молодого человека родного гнезда в приморском городе и открывающиеся возможности культурных событий столицы, то рассмотреть саму панораму одесских событий в его жизни сквозь призму биографических подробностей необходимо.

Модусом подхода послужит все более зримое противоречие, испытываемое молодым музыкантом, между атмосферой семьи с ее укладом, идеалами, скромными возможностями и внешней противоречивой социодинамикой жизни Одессы, ее культурной составляющей. В контексте этого отрезка эпохи 20-30-х гг. уместно сопоставление устремлений молодого Рихтера и впоследствии выдающихся музыкантов-одесситов той поры Э. Гилельса и Э. Грача.

* Продолжение. Начало в кн. 60.

В 2003 году скрипач Эдуард Грач, участвовавший в проходивших в Одессе праздниках «Ойстрах-Ассамблей», посвященных 90-летию Давида Федоровича, рассказывал, какое влияние на него в шестилетнем возрасте, как и на его сверстников, оказали победы одесситов-скрипачей – Давида Ойстраха, Елизаветы Гилельс, Буси Гольдштейна и Михаила Фихтенгольца в Бельгии. Побуждением шестилетнего Эдика к игре на скрипке и ее приобретению родителями стало честолюбивое желание «стать лауреатом!» на фоне культивируемых властью торжеств летчиков, полярников и... разумеется, музыкантов.

Триумфальные победы пианиста Эмиля Гилельса, а затем и Якова Зака «детонировали» у одесситов поэтической ревностью земляков. О Гилельсе пошучивали: «Милька Рыж – теперь он об Одессе и не вспоминает. А знает только Лондон и Париж!».

Несправедливая шутка, хотя бы потому что на вопрос Сталина 16-летнему Миле, где бы он хотел жить, Гилельс гордо ответил: «В Одессе!».

Что греха таить – «воздух Одессы» 30-х напоен был звуками скрипок, фортепиано, спектаклями оперного. Широкая известность консерваторской профессуры преумножалась всесоюзным приоритетом детища П.С. Столярского – его специальной музыкальной школы-десятилетки, готовившей конкурсантов с последующими лауреатскими приливами успеха и наград из столицы. Социокультурная среда довоенной Одессы обрела мировой статус клондайка вундеркиндов, отблески которого были зримы вплоть до начала нынешнего тысячелетия.

Мифы и интерпретации

Идеологическая подоплека культурной политики 20-30-х гг. мощно укрывала скрытые весьма непростые противоречия культурной среды Одессы этого периода, и по сей день спрятанные в тень возвеличенного пантеона молодых талантов новой социалистической эпохи.

Возможно, поэтому условия появления в Одессе семьи Т.Д. Рихтера и сегодня выпадают из контекста проблем музыкального

образования, парадигм открытия музыкальных вузов в России в целом и Одессы в частности.

Учрежденная в 12-13 гг. прошлого века провинциальная высшая музыкальная школа России перед началом первой мировой войны, в отличие от консерваторий Москвы и Петербурга, окрепших и великолепно зарекомендовавших себя в музыкальном мире за полстолетия, еще была далека от требуемого уровня высшего музыкального образования. Музыкальные училища Саратова, Киева и Одессы, укомплектованные в основном выпускниками столичных консерваторий, весьма окрепнув за период своей деятельности, увы, только потенциально претендовали на подлинный уровень высшей школы. Эту потенциальность понимали и содействовали развитию высшего образования музыкантов, в первую очередь, С.В. Рахманинов в соответствии со своей высокой должностью в ИРМО, а также А.Н. Скрябин.

Вместе с тем справедливости ради следует признать, что наиболее одаренные и перспективные столичные выпускники в провинцию не стремились, и педагогическая комплектация новых вузов звездами первой величины, увы, не изобиловала.

Приезд в Одессу в 1908 г. Витольда Малишевского – молодого выпускника класса Н.А. Римского-Корсакова – на должность директора музыкального училища (по рекомендации своего учителя и при поддержке А.К. Глазунова), а также некоторых других столичных выпускников на преподавательские должности, безусловно, качественно повышал профессиональную базу музыкальных кадров. Но следует понимать, что «лучшие из лучших» все же оставались в столицах, и у провинции было не много шансов приравняться к рангу музыкальных заведений центра. Не могла и музыкальная общественность, пусть крупных российских городов, хотя бы приблизительно приобщиться и соответствовать разнообразию музыкальных течений и направлений музыкального искусства мировых столиц этого периода. К примеру, первые ростки модернизма молодого Прокофьева возникали на фоне устоявшихся различий в традициях Беляевского кружка Римского-Корсакова (Санкт-Петербург) и московской школы во главе с П.И. Чайковским.

Но тем ценнее динамика организационных усилий провинциальных музыкальных деятелей к качественному преобразованию и росту музыкальной культуры этих регионов в предреволюционный период.

Календарь социодинамики музыкальной культуры Одессы до 1917 года и в последующие два десятилетия дает сложную картину явлений *бифуркации* в музыкальном образовании.

Одессе, как и Украине в целом, этнографически присуще рождать талантливых самородков, в дальнейшем реализовавшихся в различных уголках планеты. Как-то больше в тени нашей памяти оказываются имена всемирных знаменитостей, родившихся в Одессе, – Бенно Моисеевича, Шуры Черкасского, Павла Коханьского, Марии Гринберг, Натана Мильштейна и мн. др. Тем не менее эквивалент одесских вундеркиндов был, есть и, надеемся, будет всегда высок. Но это явление объективно преумножается только при нужных условиях взращивания вундеркиндов, обеспечивая их метаморфозу в знаменитых деятелях культуры и искусства.

Такой узел условий воспитания музыкантов качественным преподаванием и определял политику Витольда Малишевского – первоначально в качестве директора музыкального училища, до 1913 г., а впоследствии первого ректора Одесской консерватории, до 1920 г. Проблема профессионального обучения, подбор профессионального актива педагогов были главенствующими в деятельности музыкального администратора того периода. История ректорства Антона Рубинштейна – основателя первой российской консерватории, тому неопровержимый пример. «Узко понимаемый профессионализм» профессуры (Б. Яворский) даже здесь сыграл злую шутку с гениальным музыкантом и администратором А. Рубинштейном, вынужденным покинуть стены своего детища спустя четыре года после его рождения.

В одесской, впрочем, как и в киевской консерваториях с первых дней их основания аукнулись процессы кадрового голода в работе этих музыкальных вузов. И сколь ни щедры на позитивные характеристики публикуемые исторические материалы первоначальной деятельности этих вузов, они в какой-то степени нивелируют, если не умаляют, подвижнический труд первых ректоров в кадровом наполнении своих коллективов.

«Весной 1916 года состоялся первый выпуск – Одесскую консерваторию окончили 16 пианистов и 12 вокалистов», – пишет Дмитрий Киценко.* В своем отчете 5 мая 1916 года назначенный депутатом от дирекции Императорского русского музыкального общества И.В. Прибик писал председателю ИРМО: «Прислушав внимательно все выпускные экзамены, считаю своей приятной обязанностью сообщить вашей высококости, что преподавание в Одесской консерватории находится на должной высоте, и вообще дело поставлено серьезно и солидно». Автор статьи резюмирует, что таким образом, первый выпуск вокалистов подтвердил, что Одесская консерватория действительно стала «консерваторией музыки и пения», как об этом мечтали музыкальные деятели города задолго до ее открытия.

Торжественность первых выпусков, как и сам факт появления новых высших музыкальных заведений с благословения музыкантов такого уровня, как С.В. Рахманинов и А.Н. Скрябин, вполне резонна в реляциях ответственных лиц.

Тем не менее местная критика существенно отличается от оценки И.В. Прибика.

Выдержки из рецензий прессы на первый выпуск Одесской консерватории в 1916 году свидетельствуют:

«Местное музыкальное училище, переименованное в консерваторию, фактически осталось тем же средним очагом музыкального образования, каким оно было до переименования. Главной причиной этого явления следует, по-видимому, признать отсутствие тех значительных средств, которые необходимы для кардинального преобразования училища в консерваторию. Нужны основные реформы, которые сделали бы консерваторию достойной своего названия – института высшего музыкального образования, где кончающие получают звание «свободного художника». *Состав профессоров (за некоторыми исключениями)* и помещение, где ютится местная консерватория, совершенно не позволяют последней развить ту деятельность, которая является неременной для высшего музыкального учебного заведения. (...) (Подчеркнуто мной. – Ю. Д.)

* См. <http://dem-2011.livejournal.com/132557.html>

Жаль будет, если Городекой и обще-
доступный театр допустить, чтобы театр
Атманайи приняла приглашение, помимо
всех, из одну из столичных оперных
спев и т.д. одесская большая публика
длинится возможности не ради переживать
минуты истинного художественного удо-
влетворения.

Садко.

По классам фортепиано окончили по кл.
проф. Дроздовско-Мироносицк, по педагоги-
ческому отделу, ученики Губа, Финберг,
Бродуль (ученица бывш. старш. преподават.
Щедрова) и по виртуозному отделу—Мушкет-
ская и Настурья. По кл. проф. Вигнеръ
окончили: по педагогич. отделу, ученики
Тильда и Бернштейн и по виртуозному от-
делу ученики Фуреръ, Лейман, Лейман-
бергъ, Чернышова и Шешинеръ. Кроме то-
го, г-жи Светловна и Лембергъ окончили
консерваторию по классу фортепиано масте-
рства. Что жай касается г-же Шешинеръ

Местное отделение Русско-
го Императорского музыкаль-
ного общества этим вопросом
озабочено и в недалеком буду-
щем предоставит юношеству
возможность получить все, что
дает своим учащимся образцо-
вая консерватория.

В лице г. Малишевского кон-
серватория несомненно имеет
очень хорошего администрато-
ра и педагога по теоретическим
вопросам музыки, и он старает-
ся делать все возможное, что-
бы поставить консерваторию

на должную высоту. В качестве директора Малишевский (по-
скольку это было возможно), безусловно, влил свежую, бодрую
струи в жизнь музыкального училища, а затем консерватории», –
писал одесский музыкальный критик Михаил Арнольдов в статье
«Одесская консерватория».*

Другой местный критик под псевдонимом «Садко», как
и М. Арнольдов, в пространном анализе всех выпускников во-
кального отделения мягко критикует выпускников профессора
Дельфино-Менотти и госпожи Пикалуса, и в основном (за некото-
рыми исключениями) отмечает только отдельные положитель-
ные стороны первых выпускников.**

И сам ректор консерватории В. Малишевский в своем вы-
ступлении на торжественном акте 9 мая 1916 г. по случаю
первого выпуска не оспаривал: «Пусть первый выпуск незна-
чителен по числу, пусть, может быть, найдутся лица, которые
признают этот выпуск незначительным в художественном от-
ношении, но все же нельзя не признать, что одесская консерва-
тория стала на правильный путь, по которому, хочется думать,
пойдет русское искусство. Ныне одесская консерватория будет

* «Театр и кино» от 23 апреля 1916 года, № 17, с. 9.

** Статья «Первый выпуск Одесской консерватории». Одесский листок № 107,
21 апреля 1916 года.

сеять искусство, независимо от других центров», – читаем в «Одесском листке» № 126 от 10 мая 1916 г. (публикуется впервые).

В данном случае нельзя не согласиться, что первый ректор В. Малишевский прекрасно понимал природу существующих противоречий в деятельности молодого музыкального вуза. Лишь отдельные удачи среди выпускников, как и мастерство их воспитателей, не могли быть противопоставлены пока еще разнородному и не сформировавшемуся преподавательскому коллективу.

В вышеприведенной критической рецензии М. Арнольдова утверждалось: «Нельзя, например, рассчитывать, чтобы воспитанники первого выпуска местной консерватории (по классу пения) были приглашены на ответственные роли на мало-мальски приличную сцену».

Между тем в резюме статьи читаем: «Из целой плеяды учениц и учеников, представленных к последнему испытанию 29 апреля, только немногие достойны быть выпущенными... Из женских голосов достойны быть отмеченными госпожи Атманак и Михайлова (класс проф. Рейдер)...».

«Одесский листок» также в регулярных публикациях, посвященных первому консерваторскому выпуску, пишет: «Г-жа Михайлова, ученица проф. г-жи Рейдер, прекрасно владеет своим красивым сочным меццо-сопрано; в романсах, как и в ариозо





из «Опричника» у нее чувствуется что-то цельное, выдержанное до конца...».*

Далее автор заключает:

«Но кто положительно вне конкурса, так это – г-жа Атманак: прелестный голос молодой певицы с верхами, отдаленно напоминающими А.В. Нежданову, удивительная законченность и артистичность исполнения, прекрасная дикция – все это оставляет впечатление настоящего и яркого дарования. Одинаково талантливо г-жа Атманак исполнила и трудную арию из «Африканки», и романсы; такой ученицей может гордиться одесская консерватория, а последнюю можно поздравить с таким профессором пения, как г-жа Рейдер.

Жаль будет, если Городской и общедоступные театры допустят, чтобы г-жа Атманак приняла приглашение помимо них на одну из столичных оперных сцен, и тем самым одесская боль-

* «Одесский листок» № 107, уже цитировавшийся критик «Садко».



Этот снимок сделан в 1916 году в честь первого выпуска питомцев Одесской консерватории. Слева направо: выпускница Анастасия Атманки, первый ректор Витольд Малишевский, выпускница Михайлова, первая заведующая кафедрой вокала Юлия Рейдер, попечитель консерватории граф Василий Орлов

шая публика лишится возможности не раз переживать минуты истинного художественного удовлетворения».

Заключительный концерт также оказывается под пристальным вниманием местной критики, и вновь читаем: «У г-жи Атманки (класс проф. Рейдер) с ее блестящими верхами прекрасно удались ария из «Сафо» Массне и романс Ц. Кюи».**

Может быть, поэтому и сохранилась единственная фотография первого ректора В. Малишевского с классом профессора Ю.А. Рейдер и достойными выпускницами г-жой Атманки и г-жой Михайловой в Большом зале консерватории.

Аналогичная ситуация сложилась и у пианистов. Выпуск 1916 г. показал единичные удачи на фоне общего весьма слабого уровня. Две выпускницы – С. Плещицер, оставлена для преподавания

** «Одесский листок» № 126 от 10 мая 1916 г.



в консерватории, и Я. Берштейн, концертмейстер молодого Давида Ойстраха, – результат у выпускников-пианистов.

Скорее всего, этим и объясняется приглашение в 1916 году играющего пианиста Теофила Рихтера, выпускника Венской академии, судьба которого была тесно переплетена со знаковыми фигурами музыкантов конца XIX и начала XX столетий. Выпускниками Венской Hochschule были два профессора фортепианной кафедры, Т. Бибер и Б. Дронсейко-Миرونвич. Возможно, что и они могли рекомендовать Т. Рихтера для приглашения в Одессу. Для ректора В. Малишевского и молодой кафедры фортепиано это было важным и необходимым шагом в кадровом улучшении профессорского состава.

«Вскоре после моего рождения отцу предложили занять должность преподавателя Одесской консерватории, – читаем у С. Рихтера в «Дневниках и диалогах». – ...наша семья поселилась в Одессе. В течение двух лет мы жили и в Одессе, и в Житомире, где проводили лето».

Тем самым С. Т. сам ставит точку в разночтениях, и сегодня изобилующих в публикациях, о появлении Светика в Одессе *только* в 1921 году, во-вторых, о проживании семьи Рихтер *только* на территории кирхи, а также о приглашении Т.Д. Рихтера в Одессу *только* в качестве органиста кирхи.

«Отец мой хотя и родился на Украине, был немец не только по крови, но и по воспитанию. ...Он уехал из Житомира в Вену учиться игре на фортепиано и композиции. (...) Отец много рас-

сказывал о самом городе, так что... я знал город вплоть до самых его укромных уголков», – вспоминал С. Т.

Выступления Теофила Даниловича в Вене после окончания учебы в Венской Hochschule, работа в качестве учителя музыки, дружба с Францем Шрекером, знакомство с Э. Григом сформировали неординарного музыканта и композитора.

«Отец был действительно замечательный пианист и, когда располагал свободным временем, два-три часа занимался по вечерам, – утверждал С. Т. – (...) Впечатления от его игры, несомненно, оказали сильное влияние на меня».

Тема Вены, особого европейского города для музыкантов, изначально превалировала в рихтеровской семье. Особое место принадлежало любимому альбому Т. Д. «Neuestes Monumental Album von Wien», сохраненный другом семьи Рихтеров Риммой Александровной Новокрещенцевой.

Перед отъездом из Одессы в марте 1944 года Анна Павловна Москалева, как рассказывала в интервью Р.А. Новокрещенцева, привезла на тележке много книг, нот Т. Д., в частности альбом и наброски его сочинений. Часть архива рихтеровской семьи была сохранена и у известного одесского композитора Т.С. Сидоренко-Малюковой, впрочем, как и в других одесских семьях, близких Рихтерам.



Экспонаты выставки в честь 100-летия Святослава Рихтера (Одесский литературный музей)

Впоследствии в дни рождения отца в квартире С.Т. Рихтера и Н.Л. Дорлиак 29, бывало, и на следующий день – 30 апреля, исполнялась С. Т. фортепианная пьеса отца «Alt Wien» («Старая Вена»).

Таким образом, весьма обоснованно было приглашение первым ректором В.О. Малишевским зрелого музыканта – пианиста и композитора Т.Д. Рихтера на преподавательскую должность в консерваторию в год ее первого выпуска. Понятно, что в период ректорства музыканта такого уровня, как Малишевский, какие-либо претензии со стороны коллег пианистов к Т. Д. пока не предъявлялись.

В период ректорства В.О. Малишевского семья Рихтеров проживала на улице Нежинской. Как вспоминал Святослав Теофилович: «Нежинская улица. Когда выходишь из нашего двора, напротив стоит неказистый дом, но наверху карниз и круг, как окно в небо. После пятого дома вид на Собор Петра, и когда появлялась кирха, охватывал восторг».

Практически напротив, по улице Нежинской, проживала первая заведующая кафедрой вокала Ю.А. Рейдер, чьи знаменитые выпускники, несомненно, могли выступать впоследствии с молодым концертмейстером филармонии Светиком Рихтером.

«К концертмейстерской работе относился восторженно. Сначала кружок любителей оперного пения при Доме моряка, а затем профессиональная работа в Одесской филармонии».

Период первых выпусков консерватории с 1916 по 1920 г. проходил в сложнейших условиях первой мировой и гражданской войн в России, но профессиональный уровень молодого вуза уверенно креп, и основную роль в этом играл организаторский и творческий талант первого ректора, которому помогала наиболее подготовленная профессура.

Продолжение следует

